

Научная статья

УДК 34

EDN: AKUVQN

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ
НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА СРЕДИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ****Алексей Анатольевич Утюганов¹, Анатолий Анатольевич Бакин², Денис Евгеньевич Кузнецов³**¹⁻³ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ spvi.rosgvard@mail.ru² schizis@inbox.ru³ goodjobman@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению «идеологической экспансии», осуществляемой в отношении граждан Российской Федерации, являющихся этническими финно-уграми. В этой связи несомненный интерес представляет социологическое исследование межэтнической ситуации, сложившейся в Карелии и Мордовии после начала проведения специальной военной операции и вступления Финляндии в НАТО. Значительное внимание уделено рассмотрению истоков финского национализма. Данный феномен (который описывается как мультифакторное явление) анализируется сквозь призму историко-правовых, политических и этнопсихологических воззрений. Особый акцент делается на уточнении причин и условий его существования в XXI веке. Приводятся описания русофобских настроений, «традиционно» доминирующих у скандинавских элит, радикальной интеллигенции, правых популистов, маргинальных слоев населения Финляндии и Швеции. В заключении статьи сформулированы рекомендации по организации противодействия экстремизму и сепаратизму среди молодого поколения коренных народов Карелии, Крайнего Севера, Арктической зоны, по нейтрализации межнациональных конфликтов, интенсивному развитию указанных регионов, улучшению благосостояния местного населения.

Ключевые слова: экстремизм, ненависть, ксенофобия, территориальные претензии, «мягкая сила», патриотизм, этнические и культурные стереотипы, межэтническая ситуация, конфликты, профилактика

Для цитирования: Утюганов А.А., Бакин А.А., Кузнецов Д.Е. Историко-правовые аспекты противодействия распространению идеологии национализма и сепаратизма среди финно-угорских народов России // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 22–37. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/003.pdf>. EDN: AKUVQN.

Original article

**HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF COUNTERING THE SPREAD OF THE IDEOLOGY
OF NATIONALISM AND SEPARATISM AMONG THE FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA****Aleksej A. Utyuganov¹, Anatoly A. Bakin², Denis E. Kuznetsov³**¹⁻³ Saint-Petersburg Military Zhukov's Order Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia¹ spvi.rosgvard@mail.ru² schizis@inbox.ru³ goodjobman@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of "ideological expansion" directed to the Russian Federation citizens who are ethnic Finno-Ugric peoples. In this regard, it is of undoubted interest sociological study of the interethnic situation that has developed in Karelia and Mordovia after the start of a special military operation and Finland's accession to NATO. Important attention is paid to consideration of the origins of Finnish nationalism. This phenomenon (described as a multifactorial phenomenon) is analyzed through the prism historical, political and ethnopsychological views. The special accent is on clarifying the reasons and conditions of its existence in the 21st century. Descriptions of Russophobic sentiments "traditionally" dominant among the Scandinavian elites, radical intelligentsia, right-wing populists, marginalized segments of the Finland and

Sweden marginalized populations are presented. In conclusion the article formulates recommendations for organizing countering extremism and separatism among the younger generation of the native peoples of Karelia, the Far North, the Arctic zone, to neutralize interethnic conflicts, intensive development specified regions, and improving the well-being of the local population.

Keywords: extremism, hatred, xenophobia, territorial claims, «soft power», patriotism, ethnic and cultural stereotypes, interethnic situation, conflicts, prophylaxis

For citation: Utyuganov A.A., Bakin A.A., Kuznetsov D.E. Historical and legal aspects of countering the spread of the ideology of nationalism and separatism among the Finno-Ugric peoples of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;2(27): 22–37. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/003.pdf>. EDN: AKUVQN.

© Утюганов А.А., Бакин А.А., Кузнецов Д.Е., 2024

Введение

В современном мире межнациональные и межконфессиональные противоречия рассматриваются в числе наиболее опасных и дестабилизирующих факторов, способных в любой момент спровоцировать насилие. Более того, неуклонный рост европейской ксенофобии и «местечкового национализма» большинством авторов расценивается как предтеча апокалипсиса или главная экзистенциальная проблема человечества. Ответственные политики, общественные и религиозные деятели все чаще говорят о том, что дальнейшая судьба нашей цивилизации во многом будет зависеть от способности людей находить компромиссы, идти на взаимные уступки, выстраивать диалоги, преодолевать деструктивные стереотипы и шаблоны, искоренять экстремистскую, террористическую идеологию [1, С. 127–142; 2, С. 2; 3, С. 38–62; 4, С. 10; 5, С. 11; 6, С. 10].

Обращаясь к российским реалиям, следует отметить, что, помимо бытового национализма, правоохранителям все чаще приходится сталкиваться с высокопрофессиональной информационной продукцией радикальной направленности, поступающей из-за рубежа под прикрытием «мягкой силы» или в виде откровенных призывов к ненависти и вражде, чему есть немало примеров [7]. То есть речь идет об экстремистских технологиях, нацеленных на склонение молодых людей определенной этнической принадлежности к разжиганию межнациональной розни, к участию в погромах, вандализме, антиправительственных демонстрациях. Подобные «подстрекательства и провокации» особенно характерны для ситуации, которая десятилетиями складывалась вокруг финно-угорских народов Российской Федерации.

В середине 80-х годов прошлого века в качестве организатора психологической обработки финно-угорского населения выступала (и продолжает выступать по сей

день) Финляндия. Буквально в первые месяцы начала горбачевской перестройки, когда стал рушиться «железный занавес», власти Хельсинки перешли от слов к делу, используя при этом инструменты «мягкой силы» – они приступили к созданию мощной пропагандистской машины, рассчитанной на коренных жителей Карелии и Арктики. Финские агитаторы зачастили со своими визитами на территорию нашей страны. Они везли гуманитарную помощь, выступали перед большими аудиториями и активно навязывали слушателям их представления о России, об истории финно-угров, о зимней кампании 1939 года, о Второй мировой войне [8, С. 113–117, 121; 9, С. 25–28; 10, С. 68–78].

Во время дискуссий с представителями интеллигенции и студенческой молодежи «миссионеры» пытались внедрить в сознание «реципиентов» заведомо искаженные представления о реально существующих социально-экономических проблемах и путях их решения. В девяностых годах прошлого века финскими политиками была предпринята очередная попытка сформировать в национальных сообществах финно-угров запрос на независимость, то есть на выход из состава России и присоединение к Суоми (Финляндии). Для «мягкой силы» был важен максимально оптимизированный, привлекательный контент. Зарубежные политтехнологи создали его быстро, не затратив особых интеллектуальных усилий: материальный достаток, комфорт, безопасность, а также возможность беспрепятственного передвижения по странам «свободного мира». Мечты о Великой Финляндии казались наследникам Г. Маннергейма вполне осуществимыми, к тому же «парад суверенитетов» прокатился по всей стране – от Кавказа до Дальнего Востока [11, С. 125–148]. Однако многонациональная Россия смогла «сосредоточиться» (как в свое время писал канцлер Российской империи А. М. Горчаков), выстоять и

укрепиться. Несмотря на тяжелые времена, падение уровня жизни и т. д. большинство финно-угров категорически отвергли саму мысль о сепаратизме и существовании вне России. Тем не менее часть «ядовитых семян» все же была посеяна.

После избрания президентом Российской Федерации В. В. Путина ситуация в сфере обеспечения национальной безопасности кардинальным образом изменилась. С так называемыми «радикальными лидерами» националистов проводилась разъяснительная работа, а при наличии в их деяниях состава преступления – возбуждались уголовные дела. Был принят закон о регулировании деятельности иноагентов¹, а также о списке лиц, находящихся под иностранным влиянием. В частности, иностранные агенты уже не могли получать государственное финансирование на творческую и образовательную деятельность. Министерством юстиции Российской Федерации, в рамках реализации положений Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», выполняются функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов, а также перечня общественных объединений и религиозных организаций, деятельность которых признана экстремистской². Росфинмониторинг в свою очередь, в рамках реализации положений Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», формирует Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму³. Одним из ключевых политико-правовых нормативных актов в сфере противодействия экстремизму стала Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года⁴.

Сотрудниками ФСБ регулярно озвучивались многочисленные факты вмешательства иностранных государств (в частности,

Финляндии), во внутренние дела России. С 2022 года Государственной Думой Российской Федерации (далее – ГД РФ) уделяется особое внимание актуализации и совершенствованию нормативной базы в сфере обеспечения национальной безопасности. Так, иностранными источниками были признаны не только иностранные государства, их органы власти, конкретные граждане и лица без гражданства, но и зарубежные структуры без образования юридического лица, статус иноагента был прочно связан с внешним финансированием в политических целях, был осуществлен запрет рекламировать информационные ресурсы иноагентов, а также публиковать рекламу на данных ресурсах.

Однако, как констатируют российские правоохранители, финские некоммерческие организации (далее – НКО), несмотря на усиление контроля за их деятельностью, не оставляют попыток продвигать крайне специфические идеи, в том числе политического характера, выходящие за рамки изначально декларируемых задач [12].

26 августа 2022 года секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев провел в Петрозаводске совещание по экономической безопасности Карелии и отметил, что в целях пресечения распространения деструктивного иностранного информационного влияния на местное население важно обеспечить устойчивую мобильную связь и Российское телевидение. По мнению Н. Патрушева, особое внимание в современных геополитических условиях (в первую очередь в связи с очередным расширением НАТО) следует уделять социально-экономическому развитию приграничных и арктических районов. При этом секретарь Совета безопасности особо подчеркнул, что в условиях санкций, прокси-войны, развязанной «коллективным Западом» против России, усиливаются угрозы как экономического, так и информационного характера. Подтверждением тому служит многократно возросшая активность финских спецслужб и «киберструктур» враждебных России государств [13, с. 2].

¹ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Российская газета. 2022. 19 июля.

² Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.

³ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации

(отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. 2001. 9 августа.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.

По данным директора ФСБ А. Бортникова, начиная с февраля 2022 года по январь 2024 года, Роскомнадзор заблокировал и удалил свыше 37 тыс. материалов, связанных с деятельностью неонацистских организаций. Всего же за указанный период было удалено более 360 тыс. экстремистских материалов, заблокирован доступ к 70 тыс. страницам контента, представляющего общественную опасность. В связи с указанными обстоятельствами на базе Информационного центра Национального антитеррористического комитета были разработаны дополнительные меры защиты национального информационного пространства, внедрены новые программные средства для выявления материалов, содержащих идеи национализма, неонацизма и различных форм радикализма [14, С. 4].

1 марта 2024 года состоялась инаугурация нового президента Финляндии А. Стубба, политика правых взглядов, заявившего об окончательном развороте страны на Запад и сохранении лишь чисто формальных контактов с Россией на дипломатическом уровне. Очевидно, что избранный президент продолжит политику отстаивания национальных интересов Финляндии, антироссийских санкций, а также следования курсу более крупных партнеров [15].

Основная часть

В июне 2023 года группа петербургских социальных психологов (11 сотрудников Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности («Университет») провели опрос более 500 выпускников Петрозаводского и Мордовского государственных университетов, а также Мордовского педагогического института им. М. Е. Евсевьева на предмет диагностики и прогнозирования рисков возникновения конфликтов в этноконфессиональной сфере финно-угорских народов, проживающих на Северных и Арктических территориях Российской Федерации. Кроме того, перед членами рабочей группы была поставлена задача – изучить предложения респондентов по ранней профилактике экстремистской преступности, устранению предпосылок возникновения ксенофобии, ненависти и вражды.

Каждому из участников опроса было предложено ответить на 127 вопросов, касающихся характера межнациональных отношений в конкретном регионе (связанным с их учебой и проживанием). В процессе ответов на поставленные вопросы молодые люди представляли свое видение ситуации, складывающейся между

различными национальностями, и подробно информировали членов рабочей группы о степени своей вовлеченности в данную проблематику, высказывали личное мнение об эффективности государственной политики по поддержке финно-угорских народов. Говоря о межнациональных отношениях, около 70 % опрошенных охарактеризовали их как «стойкие, прочные» и доброжелательные.

При этом 24 % респондентов заявили о том, что среди представителей либерально настроенной творческой интеллигенции, этнографов, культурологов, историков и блогеров, которые долгие годы существовали на деньги финских НКО, «сильны антироссийские настроения». Кроме того, 6 % респондентов, имеющих родственников и друзей в Финляндии, указали на «сохраняющуюся в общественном сознании жителей скандинавских стран напряженность, вызванную проведением специальной военной операции».

Респонденты продемонстрировали высокую осведомленность в области обеспечения национальной безопасности и противодействия гибридным войнам. Более 80 % подтвердили, что гибридная война представляет собой одну из наиболее актуальных угроз международной и национальной безопасности России. Практически все опрошенные имели довольно четкие представления о том, как ведутся гибридные войны и каковы их последствия.

95 % молодых специалистов заявили, что у них «нет, и никогда не было» ксенофобии, этнических предубеждений, а тот факт, что в Российской Федерации мирно сосуществуют люди разных национальностей, по их глубокому убеждению, «приносит стране значительную пользу, обогащает ее культуру». Лишь 4 % сочли, что многонациональность вредит России. 88 % назвали себя патриотами, 11 % – «законопослушными гражданами, уважающими русский язык и русскую культуру, но стремящихся развиваться автономно, в рамках своего этноса, своих традиций», 1 % – сообщили о своей приверженности либеральным ценностям и стремлении эмигрировать. Более 90 % респондентов поддержали специальную военную операцию и выразили готовность оказывать посильную помощь российским военнослужащим, их семьям, жителям Новороссии.

2/3 участников опроса, которые особенно активно интересовались политикой, в разной степени владели иностранными языками, в том числе финским, и имели опыт

посещения Финляндии, поделились своими наблюдениями о том, что после 2014 года финский историко-культурный нарратив существенно трансформировался: объективные оценки прошлого сменились фейками, клеветой и агрессивными обвинениями в адрес России, а осью националистического мифа вновь стала «финская нация и Великая Финляндия, простирающаяся до Чукотки».

76 % интервьюированных достаточно однозначно высказались о том, что нельзя упускать из виду образовательно-криминологический аспект решения данной проблемы. В связи с этим от респондентов поступило предложение: организовать на базе учебных заведений Карелии, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Коми, Ямало-Ненецкого автономного округа, а также Санкт-Петербурга, Мурманска и Архангельска подготовку специалистов (юристов, культурологов, педагогов, журналистов и т. д.), компетентных в плане профилактики экстремизма.

Такая подготовка потребует проведения структурных и содержательных изменений, предусматривающих совершенствование ранее утвержденных государственных образовательных стандартов и создание новых, отвечающих вызовам времени профессиональных образовательных программ. При этом основу организации и методологии разработки подобных программ должна составлять реализация важнейших направлений внутренней (прежде всего национальной) политики, ориентация на «негаснущий свет вечных истин» (исторически сложившихся и доказавших свою правоту воззрений в сфере философии, политологии, культурологии, юриспруденции, этнопсихологии) и на передовые информационные технологии.

78 % молодых людей высказали мысль о том, что средствам массовой информации необходимо государственное цензурирование с целью фильтрации недостоверной информации, а также обеспечения стабильности и порядка в обществе. Кроме того, было заявлено, что в условиях проведения специальной военной операции общество должно быть максимально консолидировано. Опрос показал, что последние новости молодые люди «черпают» из Интернета и центрального телевидения. Респонденты отметили высокий уровень профессионального мастерства отечественных журналистов и «пророссийских блогеров», причем этот уровень существенно повысился за последние два года.

Соцопрос подтвердил наличие в указанных регионах формальных и неформальных общественных структур, а также последствий «финансово-просветительской» деятельности финских НКО. Их приграничное положение предопределило торговые и иные контакты с соседней Финляндией, а также зависимость от колебаний курса иностранной валюты (доллара и евро) и экономического развития европейских стран [16, С. 63]. Тем не менее не вызывает сомнений, что роль факторов, оказывающих позитивное влияние на характер межнациональных отношений, проявляется в изучаемой нами среде более отчетливо, чем негативных (деструктивных). Среди подавляющего большинства интервьюированных (за исключением одного процента лиц, откровенно заявивших о своем стремлении покинуть страну) не было и «намек» на сепаратизм, ксенофобию, этническую напряженность. Молодые люди, которые являлись представителями финно-угорских народов, постоянно подчеркивали, что в России бережно сохраняется их культурное наследие, а другие нации и народы уважительно относятся к обычаям и нормам поведения коренных жителей («северных территорий»). Подтверждением тому служат и смешанные браки финно-угров с русскими, белорусами, украинцами, татарами, армянами, азербайджанцами и т. д.

Большие надежды выпускники трех ведущих вузов Петрозаводска и Саранска возлагали на «грядущий» технологический прорыв России, успешную реализацию инфраструктурных проектов, ускоренный рост экономики. Была озвучена и острая потребность в оптимизацию системы «социальных лифтов» (позволяющих талантливой молодежи из числа молодых специалистов, изобретателей, предпринимателей, ветеранов специальной военной операции сделать карьерный рывок и принести пользу своей Родине). Также говорилось о желании получать «достойные зарплаты», участвовать в программах по льготному ипотечному кредитованию (рассчитанных на молодых специалистов, членов их семей, жителей Крайнего Севера и Арктической зоны и т. д.).

Участники опроса сошлись во мнении, что трансформация мирового порядка ставит принципиально новые задачи как перед российским государством, так и перед институтами гражданского общества. По мнению респондентов, совершенно очевидно, что Россия уже определилась со своей ролью в формирующейся многополярной системе международных

отношений, поэтому она прилагает «титанические усилия» для их развития в духе равенства всех участников диалога, соблюдения принципов законности и справедливости. В условиях, когда далеко не все традиционные каналы взаимодействия срабатывают, особое значение приобретают более интенсивные способы межэтнического общения и налаживания «горизонтальных связей», а также поддержки общественных инициатив, конструктивных способов самоорганизации общества. Респонденты также признали, что самым эффективным инструментом в сфере налаживания и поддержания межкультурных коммуникаций для коренных народов по-прежнему остается русский язык.

Существенное значение для осознания сути феномена национализма имеет определение понятий. Так, согласно ряду отечественных источников, национализм – это «болезненно-гипертрофированное» восприятие человеком собственной нации. Причем данное восприятие формируется за счет унижения (принижения) достоинства лиц другой национальности, культуры, религии. Чувства национального превосходства обязательно переплетаются с агрессивными, антигуманными установками. В политическом аспекте национализм нередко рассматривается в системе трех координат: идеологии антагонизма; идеологии обеспечения национальной безопасности и сплочения населения; идеологии «оправданного, целесообразного и безальтернативного остракизма чужеродных элементов». В этнопсихологии радикальный национализм зачастую отождествляется с «национальным фанатизмом» и расценивается как высшая степень негативизма по отношению к иным этносам. То есть, по мнению психологов, имеет место приверженность конкретной личности вполне определенным представлениям и убеждениям (в первую очередь, дихотомическим), что в значительной мере определяет ее активность, мотивацию, жизненную позицию, систему ценностей, отношение к окружающим, «образ врага» [17, С. 392; 18, С. 357–364; 19, С. 7–30; 20, С. 78–85].

Согласно данным, полученным известным петербургским криминологом И. Л. Третьяковым, наиболее радикальные националисты не способны понимать и принимать доводы тех, кто имеет иную точку зрения. У экстремистов довольно часто встречается «утрата рациональности» и потребность постоянно ощущать себя неким «супергероем», возвышающимся над

«повседневностью» и творящим историю. Мифологизированное, надуманное и искаженное прошлое (страны, народа и т. д.), как правило, включено в актуальное настоящее, в результате чего происходит стирание границ между реальностью и фантазией [21, С. 125–135].

В контексте заявленной нами темы необходимо провести линию разграничения между национализмом и патриотизмом. А. Ю. Кийко, исследовав данный вопрос, пришел к выводу, что патриотизм (как интегративное качество личности) характеризуется чувственным и осмысленно-самоотверженным отношением к Родине. «Особенно велика в патриотизме роль нравственных начал. Именно нравственные мысли и поступки (отдельных людей, целых народов и т. д.) отражаются, а потом закрепляются в общественном сознании, становясь наиболее действенными регуляторами поведенческой активности». Дискурс патриотов (людей, которые «с молоком матери впитали в себя любовь к Отечеству») представляет собой совокупность взглядов, идей, всевозможных мифологем, моральных требований, «фокусирующих» позитивное восприятие прошлого, настоящего и будущего страны. Общенациональная патриотическая идеология возникает «на стыке» слияния народных традиции, исторического опыта борьбы за независимость, а также потребностей рядовых граждан, институтов гражданского общества и органов власти в консолидации, в поступательном развитии, в профилактике межнациональных и межрелигиозных конфликтов [22, С. 136].

Итак, мы привели результаты актуального эмпирического исследования, отразили взгляды современных отечественных ученых на природу национализма и патриотизма. Однако без тщательного анализа истории возникновения и существования финского национализма заявленная нами тема едва ли будет раскрыта.

Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на том, что финские политические элиты никогда не были самостоятельными и на протяжении длительного времени «развивались» под влиянием извне. Финское национальное самосознание сформировалось под влиянием шведов. На протяжении более 600 лет финны перенимали шаблоны мышления, стереотипы и предубеждения доминирующего (господствующего) этноса. Показательно, что к началу XVIII века языком управления и культуры на финских территориях был шведский, несмотря на то, что для подавляющего

большинства населения родным языком выступал финский. Не существовало целостного описания финской истории, которая существовала в рамках общей истории Шведского государства [23, С. 186–189]. Между тем в средние века вплоть до первой половины XIX века Швеция была одной из самых агрессивных и имперски настроенных держав Европы. Конец шведскому могуществу был положен Петром Великим по итогам Северной войны. Следует подчеркнуть, что Российская империя воспринималась шведами крайне враждебно, страны воевали друг с другом 16 раз, отсюда проистекает столь недоброжелательный настрой по отношению к нашей стране, который не только имеет место и по сей день, но и выражается в действиях [24, С. 29–32; 25, С. 116–117].

Шведы не могли смириться со своим поражением и поэтому неоднократно предпринимали безуспешные попытки добиться реванша (при Елизавете Петровне, Екатерине Великой, Александре I). По итогам войны 1808–1809 гг. Финляндия вошла в состав России, причем вошла с многочисленными чиновниками, потомственными аристократами, духовенством, фокус внимания которых переключился на формирование финской идентичности, государственности и идеологии финской нации. Как нельзя лучше их общий настрой передает высказывание «Мы не шведы, русскими мы не хотим становиться, будем же финнами» [23, С. 187].

Получив независимость в 1917 году, пришедшие к власти националисты стали практиковать этнические чистки, направленные исключительно против русских. Самая известная «акция» в виде массовых расстрелов русскоязычного населения получила название «Выборгской резни» (29 апреля 1918 г). Тогда за одни сутки были убиты несколько тысяч человек. В этом же году карельские националисты под патронажем белофиннов объявили о создании Ухтинской республики, а также о своей независимости. Проблема «самоопределения» сепаратистов была оперативно разрешена войсками Красной Армии. Весной 1919 г. вооруженные силы Финляндии вторглись на территорию Карельской трудовой коммуны (КТК). Лишь спустя полгода интервенты были разбиты и обращены в бегство. В это же время английской авиацией с территории Финляндии был нанесен бомбовый удар по Петрограду. В ноябре 1921 г. отборные финские части (егеря, выступившие под видом добровольцев), немецкие инструкторы и

ранее сбежавшие от большевиков местные националисты вновь предприняли попытку реанимировать Ухтинскую республику. Однако отряды «красных финнов» и крестьян из числа сторонников Советской власти (под руководством Т. Антикайнена) окружили, а затем уничтожили данное вооруженное формирование. С разной степенью интенсивности военные действия на севере Карелии продолжались вплоть до начала весны 1922 года [26, С. 136–148; 27, С. 65–70; 28, С. 71–77].

В начале тридцатых стало очевидно, что Финляндия не останется нейтральной в предстоящей большой войне в Европе. При этом угроза появления на ее территории немецких дивизий с каждым днем приобретала всё более «ясные очертания». Предвидя скорое начало Второй мировой войны, Советское руководство предпринимало попытки организации военно-политического сотрудничества с Финляндией на взаимовыгодных условиях, в том числе предполагавших колоссальные территориальные уступки Финляндии. Однако переговоры не только ни к чему не привели, но и усилили взаимное раздражение друг другом. Когда же конфронтация достигла своего «апогея», началась Зимняя война 1939 года. За несколько месяцев линия Маннергейма была взломана, а Финляндия, несмотря на беспрецедентную финансовую помощь и поддержку от стран коллективного Запада, в очередной раз потерпела поражение. Вместе с тем великофинляндские националистические идеи только укрепились [29, С. 35, 41–42, 49–50, 212, 226, 366–370, 400–404, 413–414].

В те годы население Финляндии составляло около 3 млн 700 тыс. человек, численность регулярной армии составляла около 250 тыс. человек, 800 тыс. граждан подлежали мобилизации в случае начала войны. При этом среди резервистов даже в мирное время обращали на себя внимание члены шюцкору (более 100 тыс.) – активные участники вооруженных националистических формирований «гражданской стражи» (финские фашисты, которые демонстрировали патологическую жестокость и ненависть ко всему русскому). Когда началась Великая Отечественная война, «шюцкоровцам» доверяли роль карателей и охранников концентрационных лагерей на временно оккупированных территориях. Не меньшую известность получили и члены женской полувоенной националистической организации «Лота Свяд». По разным данным в ее рядах насчитывалось до 60 тыс. членов (причем это были не только

медицинские сестры, но и снайперы, диверсанты, сотрудники полиции т. д.). К августу 1941 года Маннергейму удалось сформировать внушительную группировку войск, после чего, в нарушение условий заключенного ранее мирного договора, была начата антисоветская агрессия, с лозунгами «От "Великой Суоми" до Урала» [30, С. 33–35; 31, С. 134–136].

Согласно советским и финским архивным источникам, которые длительное время замалчивались обеими сторонами по идеологическим соображениям, русскоязычное население Карелии, Ленинграда, Ленинградской области, а также всего Кольского полуострова подлежало физическому уничтожению. Финские нацисты старались не брать пленных, если же раненых красноармейцев оставляли в живых, то они направлялись в концентрационные лагеря, где умирали от голода, болезней или изнурительных работ. Кроме того, как стало известно в 90-е годы, финны практиковали массовые расстрелы военнопленных, объясняя свои действия «необходимостью соблюдения санитарных норм, профилактикой тифа и отсутствием достаточного количества продовольствия» [32, С. 8–15; 33, С. 75–82; 34, С. 103–113].

В сентябре 1944 года было подписано Московское перемирие, в соответствии с которым Финляндия вышла из войны с СССР и взяла на себя обязательство начать боевые действия против немецких войск. В 1948 году был заключён договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией. В нем Советский Союз брал на себя обязательство защищать территорию соседнего государства от агрессии со стороны третьих стран. Договор несколько раз продлевался (последний раз в 1983 году, на 20 лет). Но в 1992 году, после распада Советского Союза, финское правительство признало его недействительным. Финляндия решила двигаться в фарватере риторики англосаксов, с четкой ориентацией на трансатлантическую «солидарность». Дж. Сорос и его агенты принялись внушать молодым финнам, что русофобия – это не просто неотъемлемая часть мировой истории, естественная реакция высокоразвитых европейцев на диких и подлых «варваров», но и выгодная коммерческая деятельность [35, с. 65–71; 36, с. 24–31; 37, с. 493–498].

Сегодня «финский истеблишмент» уже не скрывает своего горячего желания восстановить утраченные во время Второй мировой войны территории, а также, в составе войск НАТО, приобрести новые.

Финляндские власти и пресса намеренно подогревают атмосферу русофобии и военную истерию в своей стране, что стало уже нормой повседневной жизни. Финляндия примкнула к «партии войны» Запада против России [38]. С учетом сказанного хочется напомнить, что, когда национализм перестает ограничиваться и сдерживаться рамками бытового шовинизма и ксенофобии, он довольно быстро может перерасти в государственную идеологию. Всеобщий «националистический угар» означает, что страну поразил тяжелый нравственный и экономический кризис. Такой способ утилизации народного недовольства, как воскрешение демонизированного образа «вечного врага», в данном случае – России, и обвинение ее во всех «смертных грехах», говорит о неспособности и нежелании правительства выполнять свои базовые функции, в попытке спрятаться за фасадом милитаристской риторики, рассуждений о величии нации и целой «батареи» пустых обещаний.

Анализ общественно-политической и криминологической литературы показывает, что распространению конфликтов на этнической почве и росту социальной напряженности в районах Карелии, Крайнего Севера, Арктики в значительной мере способствуют: безработица, низкие зарплаты, недостаточно развитая социальная инфраструктура, низкий уровень общей и правовой культуры определенной части молодежи, маргинализация и люмпенизация населения, распространение пьянства, алкоголизма и наркомании среди ювенальных слоев общества, острая нехватка компетентных руководителей регионального уровня, способных эффективно заниматься вопросами патриотического воспитания, а также реализацией основных положений молодежной и национальной политики, недостаточная активность институтов гражданского общества, коррупция [39, С. 89–97].

С целью противодействия экстремизму в рассматриваемых регионах считаем целесообразным: 1) переосмыслить и более четко обозначить детерминанты ксенофобии, шовинизма, «расовой ненависти», которые имеют место среди националистически настроенной молодежи; 2) провести общественные экспертизы, слушания, развернуть массовые дискуссии в социальных сетях для выявления «тлеющих» очагов межнациональных конфликтов; 3) для «выравнивания» межэтнической ситуации, нейтрализацией попыток распространения ненависти, вражды, ксенофобии, для преодоления

различных конфликтов, а также для развенчания мифов о Великой Финляндии и («западном благоденствии»); обеспечить взаимодействие органов власти, общественных организаций, школьников и их родителей, студентов, молодых ученых, наиболее ярких, неравнодушных к судьбе страны и финно-угорских народов представителей национальной интеллигенции; 4) привлекать к участию во всех общественных мероприятиях ветеранов специальной военной операции, отдавать им приоритет при назначении на вышестоящие должности в управленческих структурах [40, С. 32–39; 41, С. 87–93; 42, С. 16–23; 43, С. 63–69].

В экономическом плане крайне важно: 1) ежегодно принимать исключительно социально ориентированный бюджет; 2) постоянно работать над повышением эффективности борьбы с коррупцией; 3) создавать максимально комфортные условия для предпринимателей и инвесторов (причем как из отечественных, так и из «дружественных стран»); 4) продолжить развитие арктической ипотеки; 5) стремиться увеличить не только сырьевые, но и высокотехнологичные потоки экспорта; 6) оперативно принимать соответствующие меры к руководителям бюджетных учреждений, допустивших задержку заработной платы сотрудникам; 7) на регулярной основе, в достаточном объеме, выделять средства, предназначенные для реализации общеобразовательных и этнокультурных проектов, патриотического воспитания, спорта.

В 2022 году широкий общественный резонанс среди учащихся вузов вызвало известие об открытии (в рамках федерального проекта Минобрнауки России) «Платформы университетского технологического предпринимательства». В результате более 100 тыс. студентов смогли проверить свои бизнес-навыки, организаторские способности, лидерские качества и т. д., участвуя в тренингах, разработанных преподавателями Московского государственного университета и Московского физико-технического института, менеджерами крупных компаний. Ежегодно в игровом формате решаются вопросы, связанные с обучением слушателей подбору персонала, принятию коллективных решений и командному духу, созданию стартапов, разработке (производству) востребованных продуктов, грамотному выведению их на рынок. Значительное внимание уделяется предпринимательству на Арктических территориях. В настоящее время к платформе подключились учащиеся из 140 высших учебных заведений.

Главным инструментом для быстрого развития российских регионов, где исторически проживают финно-угорские народы, для формирования инновационных кластеров, открытия принципиально новых, востребованных для всей страны производств могут стать особые экономические зоны (ОЭЗ). На сегодняшний день особая экономическая зона – это действенный инструмент для быстрого получения выгодных кредитов, земельных участков и для ощутимого сокращения затрат на запуск стартапов. Ставка делается на высокотехнологичные предприятия (главными направлениями могут быть «беспилотники», микроэлектроника, биотехнологии, фармацевтика и медицинское оборудование, продукты питания). Соответственно, создаются высокооплачиваемые рабочие места, «местные кадры» проходят ускоренную подготовку (или переподготовку). На временную или постоянную работу приглашаются специалисты (управленцы) федерального уровня, сотрудничество с которым позволяет избежать ошибок и перенять бесценный опыт. Инвесторы, которые не имеют возможности строить крупные предприятия, смогут взять площади в особой экономической зоне в аренду. В результате, помимо готовой инфраструктуры, они получают налоговые и таможенные льготы. Это особенно важно в условиях санкционных ограничений, когда предприниматели вынуждены решать непростую задачу импортозамещения. Важно напомнить, что появление ОЭЗ влечёт за собой быстрое развитие инженерной, транспортной и образовательной инфраструктуры.

Эффективность кластерного развития районов Карелии, Крайнего Севера и Арктики определяется значительным разнообразием всевозможных причин и условий. Однако, как нам представляется, важнейшим условием успеха здесь выступает тщательно продуманная, иерархически структурированная модель кластерного взаимодействия всех уровней кластера. Создание, реализация и последующее совершенствование «кластерных механизмов» должно быть не только «управляемым», с элементами самоорганизации, но и, прежде всего, инновационным процессом.

Буквально несколько слов хочется сказать о «последних» изменениях и дополнениях в сфере уголовного законодательства, способных повысить уровень противодействия экстремизму, сепаратизму, предательству национальных интересов и т. д. Как мы уже указывали, финский государственный национализм непосредственно связан с милитаризмом, с захватническими

планами и агрессией против России. Так, в средствах массовой информации Финляндии постоянно муссируются темы готовности каждого финна («встать под ружье»), «беспрецедентной» технической оснащенности военнослужащих. Не скрывается, что около 20 лет («в стране болот и озер») строились мощные оборонительные сооружения, подземные склады с оружием, бункеры. При этом сегодня в социальных сетях скандинавских стран, в СМИ, в печатных изданиях (на финском и английском языках) распространяется откровенно фейковая информация о, якобы, плачевном состоянии Вооруженных Сил России. Замалчиваются истинные причины конфликта на Украине, цели и задачи СВО. В то же время можно наблюдать, как «набирают обороты» призывы к россиянам сотрудничать с западными спецслужбами, собирать разведывательную информацию, совершать диверсии. Из сказанного следует, что данная пропаганда рассчитана как на внутреннего, так и на внешнего потребителя. В частности, мишенью для идеологических диверсий по-прежнему остаются финно-угры.

Российский закон в таких условиях вынужденно адаптируется к текущей ситуации, представляется чрезвычайно актуальным и своевременным принятие в феврале 2024 года закона о конфискации имущества за фейки о российской армии, диверсионную деятельность и другие преступления против России, совершенные по корыстным мотивам. Кроме конфискации, преступникам грозит лишение специальных званий и наград. Совершенствуется уголовное и административное законодательство.

Широкий общественный резонанс вызвал закон, предусматривающий возможность признания нежелательными в России иностранные организации, учредителями которых являются зарубежные государственные органы. Иностранцам членам зарубежных организаций (признанных нежелательными в России) запрещается въезд в страну. Помимо запрета на въезд, закон устанавливает, что таким организациям запрещается создавать на территории России юридические лица и структурные подразделения. При этом деятельность ранее созданных подразделений прекращается, на них также распространяется запрет производить информационные материалы и распространять их в средствах массовой

информации, в социальных сетях. Банки обязаны отказывать данным структурам в проведении операций с денежными средствами и имуществом. Данным НКО запрещается осуществлять на территории России какие-либо проекты.

Попали под действие нового закона зарубежные фонды, выдающие участникам своих программ гранты. Как прокомментировал один из авторов данного закона, глава комитета ГД РФ по безопасности В. Пискарев, действующие нормы давно устарели: «Изначально в законе речь шла лишь о зарубежных неправительственных организациях. Закон принимался более 10 лет назад. Тогда еще было ощущение, что Запад хотя бы на уровне межгосударственных отношений играет по правилам. Но, как мы смогли убедиться, для них не существуют ни нормы международного права, ни Устав ООН». Поэтому для российской стороны, по словам депутата, абсолютно неважно, кто за рубежом учредил ту или иную организацию, которая «гадит нашей стране и работает на разрушении России». «Если ее деятельность представляет угрозу для безопасности, обороноспособности, то, по нашему мнению, она также может быть объявлена нежелательной» [44, С. 2].

Внесены существенные поправки в Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»⁵. Успешно работает специальная комиссия ГД РФ, которая занимается расследованием фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела нашей страны. В основном, речь идет о разработке санкций, блокировании инвестиционных проектов, подготовке агентов влияния, вмешательстве в выборы, разжигании национальной розни, воспрепятствовании законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, общественных и религиозных объединений.

Заключение

Социально-психологическое исследование, проведенное на базе Петрозаводского и Мордовского государственных университетов, а также Мордовского педагогического института им. М. Е. Евсевьева, позволяет убедиться в том, что выпускники указанных высших учебных заведений (в основной своей массе) обладают креативным

⁵ Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и

свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 29 декабря.

мышлением, они доброжелательны, открыты, демонстрируют готовность к сотрудничеству. Молодые специалисты (представители как финно-угорского этноса, так и других национальностей) не испытывают неприязнь к кому-либо в связи с расовой или этнической принадлежностью. Кроме того, постоянное присутствие в социальных сетях позволяет им отслеживать патриотические, «протестные» и националистические настроения жителей конкретных регионов, самостоятельно их анализировать и делать логичные выводы.

По своей инициативе молодые люди разоблачают вредоносные фейки, активно поддерживают участников СВО, ветеранов и членов их семей, участвуют в реализации политических проектов разного уровня, подключаются к общественным инициативам, направленным на обеспечение качественно нового взаимодействия субъектов национальной, культурной и образовательной политики в районах проживания финно-угорских народов. По мнению участников соцопроса, «организованный», поддерживаемый извне национализм (как и экстремизм в целом), представляет реальную угрозу конституционному строю России. Респонденты считают, что практика деятельности иностранных агентов заключается в попытках склонения коренных народов Севера Российской Федерации к сепаратизму, «борьбе с режимом» и т. п. Однако, по глубокому убеждению интервьюированных, экстремизм всегда был чужд российским финно-уграм, как и лютеранство, которое им усиленно навязывается извне. По своему менталитету коренные народы Севера оказались гораздо ближе к славянам (русским), чем к скандинавам. На протяжении всего периода формирования российской государственности именно карелы, мордва, вепсы, коми-зыряне, марийцы, удмурты и т. д. постоянно проявляли себя как истинные патриоты, готовые отстаивать традиционные ценности, защищать малую и большую Родину. В то же время, как заявили многие участники исследования, несмотря на оптимистичные прогнозы, в указанных регионах сохраняется опасность радикализации люмпенизированной и маргинальной части молодежи, либеральной интеллигенции, подростков, под влиянием идей, транслируемых из-за рубежа, в частности, из Финляндии.

С позиций социальной психологии, национализм следует рассматривать как деструктивный, дисфункциональный продукт недостаточно развитого

общественного сознания, который характеризуется наличием в нем специфических эксплицитных и имплицитных свойств. Стержнем «националистических убеждений» является вера в избранность, правоту, мессианство, величие какого-то конкретного этноса. Причем это вера, сопряженная с насилием, с попытками найти и уничтожить «чужого» (т. е. внешнего или внутреннего врага). Национализм детерминирован «историческими обидами», ложными этнокультурными стереотипами, предубеждениями, экстремистской субкультурой, ксенофобией (в том числе и возведенной в ранг идеологии), аномией, снижением регулирующей роли совести и морали.

Современная идеология финского национализма опирается не только на ненависть, ксенофобию, искаженные смысловые конструкции «скандинавских радикалов», но и, как нам представляется, в основе ее лежат геостратегические интересы западных элит. В 2022 году финские политики пожертвовали многолетними добрососедскими отношениями, взаимовыгодным сотрудничеством с Россией, ради эфемерных обещаний и посулов США предоставить финнам «нечто большее». Речь, возможно, идет о Карелии, Русской Арктике, месторождениях нефти, газа, а также участии в коллективном контроле за судоходством по Северному морскому пути.

В числе основных детерминант, которые наиболее явно способствовали резкому развороту Финляндии в сторону «анти-России» (а также обусловили приход к власти «крайне правых»), следует считать: 1) активное вмешательство США и Швеции в процесс подготовки управленческих кадров и молодых политиков (так называемых младореформаторов-популистов); 2) длительная и целенаправленная пропаганда в духе русофобии; 3) падение благосостояния населения, инфляция и т. д.; 4) неэффективность институтов экономического регулирования стран Евросоюза.

Межэтническим конфликтам и росту напряженности в районах Карелии, Крайнего Севера, Арктики в значительной мере способствуют: безработица, материальное неблагополучие, недостаточно развитая социальная инфраструктура, низкий уровень общей и правовой культуры определенной части молодежи, распространение пьянства, алкоголизма и наркомании среди ювенальных слоев общества, недостаточное внимание к вопросам патриотического воспитания, а также реализации основных положений молодежной и

национальной политики, недостаточная активность институтов гражданского общества, коррупция.

С целью противодействия экстремизму в указанных регионах считаем целесообразным: 1) переосмыслить и более четко обозначить детерминанты ксенофобии, шовинизма, «расовой ненависти», которые имеют место среди националистически настроенной молодежи; 2) провести общественные экспертизы, слушание, развернуть массовые дискуссии в социальных сетях для выявления «тлеющих» очагов межнациональных конфликтов; 3) для «выравнивания» межэтнической ситуации, нейтрализации попыток распространения ненависти, вражды, ксенофобии, для преодоления различных конфликтов, а также для развенчания мифов о Великой Финляндии и «западном благоденствии» – обеспечить взаимодействие органов власти, общественных организаций, школьников и их родителей, студентов, молодых ученых, наиболее ярких, равнодушных к судьбе страны и финно-угорских народов представителей

национальной интеллигенции; 4) на регулярной основе привлекать к участию во всех общественных мероприятиях ветеранов специальной военной операции, отдавать им приоритет при назначении на вышестоящие должности в управленческих структурах.

Подводя итог, отметим, что в Российской Федерации в настоящий момент сформированы правовые меры по противодействию распространению идеологии национализма и сепаратизма, принята и действует соответствующая нормативная правовая база, правоохранительные органы и органы государственной власти нацелены на работу в данном направлении, существует действенный механизм уголовного противодействия названным явлениям. Вместе с тем, в силу появления все новых вызовов, угроз и изменяющихся форм их проявления, государство имеет все основания соразмерно на них реагировать, применяя, в том числе, профилактические и превентивные меры.

Список источников

1. Кузнецова С. Я. Духовно-нравственная автономность и смысложизненное служение христианина // *Философия и общество*. 2023. № 3. С. 127–142.
2. Леруа Э. Реликт холодной войны // *Российская газета*. 2024. 12 февраля.
3. Разин А. В. Проблема обоснования морали // *Философия и общество*. 2022. № 2. С. 38–62.
4. Фадеев В. Права человека: где искать решение // *Российская газета*. 2022. 5 мая.
5. Косачев К. Европа: похищение мира // *Российская газета*. 2023. 3 апреля.
6. Яковлева Е. Несгибаемый человек // *Российская газета*. 2024. 1 февраля.
7. Экстремистов внесли в список террористов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5607712> (дата обращения: 08.03.2024).
8. Шабает Ю. П. Проблема финно-угорской этничности // *Современная Европа*. 2015. № 3 (23). С. 112–123.
9. Мясникова А. Б. Место финно-угорского движения в системе международных отношений // *Вестник Чувашского университета*. 2013. № 2. С. 25–28.
10. Немечкин В. Н. Финно-угорская общественная дипломатия: теоретико-правовые и практические аспекты // *Финно-угорский мир*. 2017. № 3. С. 68–78.
11. Шабает Ю. П. Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма / Ю. П. Шабает, А. П. Садохин, А. Ю. Кузнецова // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 6(142). С. 125–148.
12. Генпрокуратура признала нежелательной в Российской Федерации финскую НПО. URL: <https://www.interfax.ru/russia/920829> (дата обращения: 09.03.2024).
13. Цыганкова С. Границу под контроль // *Российская газета*. 2022. 26 августа.
14. Егоров И. Выбор под защитой // *Российская газета*. 2024. 14 февраля.
15. «Всем приготовиться». Сосед России идет на обострение. URL: <https://ria.ru/20240212/stubb-1926838230.html> (дата обращения: 09.03.2024).
16. Глушанок Т. М. Инновационная экономика – вектор развития Карелии // *Экономика и управление*. 2009. № 1(39). С. 62–65.
17. Гуриева С. Д. Психология этнического конфликта. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2021. 406 с.

18. Оганесян С. С. Национализм: сущность, проблемы профилактики и противодействия в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Пенитенциарная наука. 2023. № 4 (64). С. 357–364.
19. Осипова Н. Г. Идеологическое воздействие на социальное поведение: теоретико-методологические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. № 29 (2). С. 7–30.
20. Цзысюань Ч. Политический национализм и мультикультурализм в современном нациестроительстве // Власть. 2023. № 3. С. 78–85.
21. Tretyakov I. L. (2021). Information Networks and Manipulative Technologies in the Arsenal of Extremists // Knowledge in the Information Society, Joint Conferences XII Communicative Strategies of the Information Society and XX Professional Culture of the Specialist of the Future, Springer, pp. 125–135. DOI:10.1007/978-3-030-65857-1_13.
22. Патриотическое воспитание обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации как предмет комплексного анализа: монография / под ред. А. Ю. Кийко. СПб. : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. 369 с.
23. Колесников Д. Е. Формирование национальной и исторической идентичности Финляндии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 4 (136). С. 186–191.
24. Трухачев В. В. Россия – Швеция: тупик отношений? // Перспективы. 2023. № 1 (32). С. 27–45.
25. Ивонина Л. И. Падение Шведской империи и международные отношения в Европе конца XVII – начала XVIII вв. // Исторический формат. 2015. № 3(3). С. 107–119.
26. Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и трансформация представлений активистов карельского национального движения о перспективах политического и экономического развития Российской Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 136–148.
27. Левкоев А. А. «Финский фактор» в становлении карельской автономии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 4. С. 65–70.
28. Осипов А. Ю. Карельское восстание 1921–1922 годов: причины, сущность, последствия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 4. С. 71–77.
29. Барышников В. Н. Финская война. М.: Кучково поле, 2023. 448 с.
30. Кульков Е. Н. Финляндия в войне против СССР 1941–1944 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 1 (4). С. 26–43.
31. Дерябин Ю. С. Незнаменитая война // Современная Европа. 2010. № 3(43). С. 130–136.
32. Веригин С. Г. Малоизвестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии / С. Г. Веригин, Д. А. Попов, Д. А. Елошин // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. № 2. С. 8–15.
33. Веригин С. Г. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. № 6. С. 75–82.
34. Федосов А. В. Войска НКВД в обороне и освобождении Карелии в годы великой отечественной войны / А. В. Федосов, И. О. Попов // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. № 8. С. 103–113.
35. Искандеров Э. А. Злоупотребление нейролингвистическим программным обеспечением в целенаправленном воздействии на представителей подрастающего поколения разных культур // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 8. С. 65–71.
36. Плевако Н. С. Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2. С. 24–31.
37. Яковенко А. В. Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность / А. В. Яковенко, К. А. Манасенко, О. Г. Карпович М. : ООО «Содружество культур», 2023. 588 с.
38. Посол Кузнецов: власти Финляндии специально подогревают атмосферу русофобии. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1296301-posol-rossiya-finlyandiya> (дата обращения: 07.04.2024).
39. Бовин Б. Г. К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде / Б. Г. Бовин, Н. В. Дворянчиков, Д. В. Мельникова // Пенитенциарная наука. 2023. № 1 (61). С. 89–97.
40. Артамонова М. В. Влияние фактора прошлого на формирование идентичности российской молодёжи / М. В. Артамонова, М. Е. Соколова, Н. С. Седова // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 8. С. 32–39.

41. Климанов Н. В. Исследование характерных особенностей социализации коренных народов Севера России // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 4. С. 87–93.
42. Кулиш В. В. Социальный механизм функционирования исторической памяти / В. В. Кулиш, Н. А. Матвеева // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 10. С. 16–23.
43. Юлдашбаева А. Ш. Консервативная ориентация и социокультурные основания государственной культурной политики России // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 9. С. 63–69.
44. Замахина Т. Статус не поможет // Российская газета. 2024. 13 февраля.

References

1. Kuznecova S. Ya. Spiritual and moral autonomy and meaningful Christian ministry // *Filosofiya i obshchestvo*. 2023;3: 127–142. (In Russ.).
2. Lerua E. Relikt holodnoj vojny // *Rossijskaya gazeta*. 2024. 12 fevralya. (In Russ.).
3. Razin A. V. The problem of substantiating morality // *Filosofiya i obshchestvo*. 2022;2: 38–62. (In Russ.).
4. Fadeev V. Prava cheloveka: gde iskat' reshenie // *Rossijskaya gazeta*. 2022. 5 maya. (In Russ.).
5. Kosachev K. Evropa: pohishchenie mira // *Rossijskaya gazeta*. 2023. 3 aprelya. (In Russ.).
6. Yakovleva E. Nesgibaemyj chelovek // *Rossijskaya gazeta*. 2024. 1 fevralya. (In Russ.).
7. Ekstremistov vnesli v spisok terroristov. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5607712> (data obrashcheniya: 08.03.2024). (In Russ.).
8. Shabaev Yu. P. The problem of Finno-Ugric ethnicity // *Sovremennaya Evropa*. 2015;3 (23): 112–123. (In Russ.).
9. Myasnikova A. B. The place of the Finno-Ugric movement in the system of international relations // *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2013;2: 25–28. (In Russ.).
10. Nemechkin V. N. Finno-Ugric public diplomacy: theoretical, legal and practical aspects // *Finno-ugorskij mir*. 2017;3: 68–78. (In Russ.).
11. Shabaev Yu. P. Russian North in Historical Dynamics: the destruction of the project of the cultural Storehouse of the Russian people and the modern crisis of ethnic nationalism / Yu. P. Shabaev, A. P. Sadohin, A. Yu. Kuznecova // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2017;6(142): 125–148. (In Russ.).
12. Genprokuratura priznala nezhelatel'noj v Rossijskoj Federacii finskuyu NPO. Available from: <https://www.interfax.ru/russia/920829> (data obrashcheniya: 09.03.2024). (In Russ.).
13. Cygankova S. Granicu pod kontrol' // *Rossijskaya gazeta*. 2022. 26 avgusta. (In Russ.).
14. Egorov I. Vybor pod zashchitoy // *Rossijskaya gazeta*. 2024. 14 fevralya. (In Russ.).
15. «Vsem prigotovit'sya». Sosed Rossii idet na obostrenie. URL: <https://ria.ru/20240212/stubb-1926838230.html> (data obrashcheniya: 09.03.2024). (In Russ.).
16. Glushanok T. M. Innovative economy is a vector of Karelia's development // *Ekonomika i upravlenie*. 2009;1(39): 62–65. (In Russ.).
17. Gurieva S. D. Psihologiya etnicheskogo konflikta. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2021. 406 s. (In Russ.).
18. Oganessian S. S. Nationalism: the essence, problems of prevention and counteraction in the organs and institutions of the Russian penal system // *Penitenciarnaya nauka*. 2023;4 (64): 357–364. (In Russ.).
19. Osipova N. G. Ideological impact on social behavior: theoretical and methodological aspects // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2023;29 (2): 7–30. (In Russ.).
20. Czysyuan' Ch. Political nationalism and multiculturalism in modern nation-building // *Vlast'*. 2023;3: 78–85. (In Russ.).
21. Tretyakov I. L. (2021). Information Networks and Manipulative Technologies in the Arsenal of Extremists // *Knowledge in the Information Society, Joint Conferences XII Communicative Strategies of the Information Society and XX Professional Culture of the Specialist of the Future*, Springer, pp. 125–135. DOI:10.1007/978-3-030-65857-1_13.
22. Patrioticheskoe vospitanie obuchayushchihsya v kadetskikh korpusah, suvorovskih uchilishchah i voennyh institutah Rossijskoj Federacii kak predmet kompleksnogo analiza: monografiya / pod red. A. Yu. Kijko. SPb. : Sankt-Peterburgskij voennyj ordena Zhukova institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2023. 369 s. (In Russ.).

23. Kolesnikov D. E. Formation of the national and historical identity of Finland // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2011;4 (136): 186–191. (In Russ.).
24. Truhachev V. V. Russia – Sweden: deadlock in relations? // Perspektivy. 2023;1(32): 27–45. (In Russ.).
25. Ivonina L. I. The fall of the Swedish Empire and international relations in Europe in the late XVII – early XVIII centuries // Istoricheskij format. 2015;3(3): 107–119. (In Russ.).
26. Dubrovskaya E. Yu. The Russian Revolution of 1917 and the transformation of the ideas of the activists of the Karelian national movement about the prospects for the political and economic development of Russian Karelia // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Seriya: Estestvennye i gumanitarnye nauki. 2022;1: 136–148. (In Russ.).
27. Levkoev A. A. The "Finnish factor" in the formation of Karelian autonomy // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021;4: 65–70. (In Russ.).
28. Osipov A. Yu. Karelian Uprising of 1921-1922: causes, essence, consequences // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021;4: 71–77. (In Russ.).
29. Baryshnikov V. N. Finskaya vojna. M.: Kuchkovo pole, 2023. 448 s. (In Russ.).
30. Kul'kov E. N. Finland in the war against the USSR 1941-1944 // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2009. № 1 (4). S. 26–43. (In Russ.).
31. Deryabin Yu. S. The Unknown War // Sovremennaya Evropa. 2010;3(43): 130–136. (In Russ.).
32. Verigin S. G. Little-known Finnish concentration camps in the occupied territory of Karelia / S. G. Verigin, D. A. Popov, D. A. Eloshin // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023;2: 8–15. (In Russ.).
33. Verigin S. G. The Finnish Occupation of Karelia in 1941-1944: discussions between Russian and Finnish historians // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022;6: 75–82. (In Russ.).
34. Fedosov A. V. NKVD troops in the defense and liberation of Karelia during the Great Patriotic War / A. V. Fedosov, I. O. Popov // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023;8: 103–113. (In Russ.).
35. Iskanderov E. A. The abuse of neuro-linguistic software in the purposeful impact on the representatives of the younger generation of different cultures // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2023;8: 65–71. (In Russ.).
36. Plevako N. S. Swedish and Finnish neutrality. In the past? // Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN. 2022;2: 24–31. (In Russ.).
37. Yakovenko A. V. Amerika protiv vseh. Geopolitika, gosudarstvennost' i global'naya rol' SShA: istoriya i sovremennost' / A. V. Yakovenko, K. A. Manasenko, O. G. Karpovich M. : OOO «Sodruzhestvo kul'tur», 2023. 588 s. (In Russ.).
38. Posol Kuznecov: vlasti Finlyandii special'no podogrevayut atmosferu rusofobii. Available from: <https://russian.rt.com/world/news/1296301-posol-rossiya-finlyandiya> (data obrashcheniya: 07.04.2024). (In Russ.).
39. Bovin B. G. On the problem of assessing the risk of radicalization in the adolescent and youth environment / B. G. Bovin, N. V. Dvoryanchikov, D. V. Mel'nikova // Penitenciar'naya nauka. 2023;1 (61): 89–97. (In Russ.).
40. Artamonova M. V. The influence of the factor of the past on the formation of the identity of Russian youth / M. V. Artamonova, M. E. Sokolova, N. S. Sedova // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2023;8: 32–39. (In Russ.).
41. Klimanov N. V. The study of the characteristic features of the socialization of the indigenous peoples of the North of Russia // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2023;4: 87–93. (In Russ.).
42. Kulish V. V. The social mechanism of the functioning of historical memory / V. V. Kulish, N. A. Matveeva // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2022;10: 16–23. (In Russ.).
43. Yuldashbaeva A. Sh. Conservative orientation and socio-cultural foundations of the state cultural policy of Russia // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022;9: 63–69. (In Russ.).
44. Zamahina T. Status ne pomozhet // Rossijskaya gazeta. 2024. 13 fevralya. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент

А. А. Бакин – кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук

Д. Е. Кузнецов – кандидат исторических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

A. A. Utyuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent

A. A. Bakin – Candidate of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Medical)

D. E. Kuznetsov – Candidate of Sciences (History)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 20.06.2024.